

О. В. БРИГАДИНА

«КОГДА-ТО В ГОДЫ НЭПа...»: ДИСКУРСЫ И ТРУДОВЫЕ ПРАКТИКИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1920-х гг.

В статье исследованы основные направления новой экономической политики советской власти в контексте повседневной трудовой деятельности рабочих, служащих и частных предпринимателей. Анализируются причины конфликтов в трудовых коллективах, характер взаимоотношений рабочих с дореволюционными специалистами, основные сферы частного капитала. Автор также оценивает бюджеты свободного и трудового времени и формы девиантного поведения разных социальных групп городского населения.

The article is devoted to the major directions of the Soviet government economic policy within the framework of daily labor activity of workmen, clerks and private entrepreneurs. The roots of conflicts between employees, mutual relations between workers and specialists, main spheres of private capital are analyzed. The author estimates the budgets of leisure and working time and the forms of deviant behavior of different social urban groups.

Ключевые слова: новая экономическая политика, повседневная жизнь.

Keywords: New Economic Policy, everyday life.

После Гражданской войны страна оказалась на грани экономической катастрофы. Выход был найден в новой экономической политике — комплексе мер экономического, политического и социокультурного характера. Первой «антикризисной мерой» стала замена продразверстки продналогом, одобренная X съездом РКП(б) в марте 1921 г. «Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства, — отмечалось в

Брыгадзіна Вольга Васільеўна — дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

декрете, — в течение 1921/22 хозяйственного года был установлен единый налог на уровне примерно 20 % от чистого крестьянского продукта, т. е. почти вдвое меньше, чем разверстка военных лет» [13, с. 167]. Переход к продналогу (с 1924 г. — в денежном выражении) позволял крестьянам планировать и свободно торговать своей продукцией. Это в свою очередь требовало восстановления рынка и товарно-денежных отношений. 24 мая 1921 г. был принят Декрет СНК «Об обмене», разрешивший свободный обмен, покупку и продажу остающихся у населения после выполнения натурального налога продуктов. Это право распространялось на сельхозпродукцию, изделия и предметы кустарной и мелкой промышленности. Разрешена была торговля «на рынках, базарах и в других местах с лотков и ларей и в закрытых помещениях» под контролем государственных органов [13, с. 168—169].

Переход к рыночным отношениям потребовал нормализации денежного обращения в стране, так как общая сумма денег возросла с 3500 млрд на 1 сентября 1921 г. до немногим более двух квадрильонов к концу 1922 г. [5, с. 677]. В 1922—1924 гг. была поэтапно проведена денежная реформа, в основе которой лежала идея об одновременном использовании старых совзнаков и новых червонцев. За это время Госбанк СССР выкупил у населения бумажные деньги по курсу: 1 червонец за 60 тыс. руб. Рубль укрепился не только внутри страны, но и на мировом валютном рынке: червонец равнялся 5 долл. и 14,5 цента США [5, с. 677]. Логическим следствием возврата к денежной экономике, отмечал английский историк Э. Карр, был переход от натурального к денежному налогообложению. С 1922 г. был установлен прогрессивный налог в размере 1,5 % с оборота для лиц, принадлежащих к так называемым свободным профессиям (врачам, адвокатам, писателям и т. п.), а также для высокооплачиваемых совслужащих и владельцев частных предприятий. Все остальные граждане, кроме пенсионеров, рабочих и служащих с зарплатой менее 75 руб. в месяц, платили основной налог. Существовало также 12 видов косвенного налога на продажу и производство чая, вина, табака, пива, спичек, меда, минеральной воды и т. п. Доходы от налогов к концу 1922 г. составили треть всех поступлений в госбюджет [5, с. 674—675].

Для восстановления страны были использованы ресурсы разных форм собственности. Многие предприятия сдавались в аренду кооперативам, товариществам или частным лицам. Декретом СНК от 7 мая 1921 г. можно было «открыть свое предприятие с правом использования до 10 рабочих при моторе и до 20 — без мотора» [5, с. 624]. В Москве, по

данным «Экономической газеты», в 1922 г. из 510 арендованных предприятий наибольшее количество приходилось на пекарни — 235; второе место занимали текстильные предприятия — 76; далее следовали предприятия бытового обслуживания [13, с. 188]. В 1923/24 хозяйственном году в стране действовало 68,7 % государственных, 12,3 % — кооперативных и 19 % — частных предприятий. В госсекторе было занято 94,6 % всех трудящихся, в кооперативах — 2,8 %, на частного предпринимателя работало 2,6 % наемных рабочих. На государственных фабриках и заводах производилось 90,9 % продукции, в кооперативных товариществах — 4,7 %, в частном секторе — 4,4 % [6, с. 157].

Формировалась новая экономическая модель, сущностными чертами которой являлись разнообразие форм собственности и допускаемая государством в определенных пределах экономическая свобода производителей. Многочисленные данные доказывают, что новая экономическая политика способствовала нормализации жизни практически всех слоев населения. В процесс восстановления страны были включены интеллигенция и зажиточные слои общества. Н. В. Валентинов-Вольский в своих воспоминаниях ввел термин «дух 1925 года» как доказательство гражданского мира между властью и населением [1, с. 73]. Однако главная политическая идея нэпа — гражданский мир — не была принята ни в массах, ни в самой партии. Нэп породил крупные противоречия. Вновь наметилось социальное неравенство, что было естественным в условиях товарно-денежных отношений. В результате разорения и остановки многих предприятий значительной была безработица (к 1928 г. 1,8 млн членов профсоюзов). Происходило сокращение штатов госучреждений, работников бюджетных организаций (школ, больниц и т. п.), РККА и милиции. Многие рабочие были недовольны усилением интенсивности труда на производстве, заменой тарифных ставок оплаты труда на сдельные. Часто нэп расшифровывали как «новую эксплуатацию пролетариата». По мнению современного исследователя нэпа В. А. Шишкина, «нужна была еще длительная работа, чтобы пока еще «эскизный» рыночный ранний нэп стал бы приносить свои полновесные плоды...» [1, с. 75]. Но такая длительная работа не входила в планы руководства партии и страны. Экономические реформы не были дополнены реформами политическими. С 1927 г. был взят курс на свертывание нэпа. Государство, сохранявшее контроль над «командными высотами», т. е. над крупной промышленностью и банками, стремилось диктовать свои условия и в других сферах экономики. В этом — одна из важных причин кризисов нэпа, которые привели к его свертыванию.

Условия труда и быт рабочих. В историографии дискуссионным остается вопрос о преодолении в годы нэпа деклассирования пролетариата. По мнению В. Н. Селунской, прекращение этих процессов — «одно из самых важных достижений новой экономической политики». Уже с 1923 г. наблюдался рост численности фабрично-заводских рабочих: этот показатель в 1924 г. составил (по сравнению с 1923 г.) — 8 %, в 1925 г. — 24,2 %, в 1926 г. — 57,7 %. На первое января 1926 г. в ценовой промышленности было занято 2261,7 тыс. чел. [3, с. 25]. Однако, по подсчетам Л. В. Милова, этот показатель был на 22,4 % ниже уровня 1913 г. [4, с. 331]. На своеобразный парадокс — недостаток прежде всего квалифицированных рабочих при излишке рабочих рук — указывает А. К. Соколов. «Вряд ли можно сказать, — считает он, — о преодолении деклассирования пролетариата... Качественный состав его продолжал переживать процесс размывания... Те, кто пережили войну, не особенно были склонны возвращаться на производство, даже рядовые красноармейцы рассчитывали на должность, не говоря уже о комиссарах... На производстве преобладал серенький малообразованный тип рабочего...» [9, с. 116—117]. О настроениях рабочих свидетельствовали их письма «во власть»: «...почему непременно рабочий должен за все отдуваться, голодать и терпеть, получая мизерную зарплату; наши же главки и ответственные работники живут себе припеваючи и ни в чем не нуждаются» [6, с. 156]. По официальным данным, с октября 1924 г. по май 1925 г. дневная выработка на одного рабочего по стране поднялась на 29,5 %, а месячная зарплата упала на 8,5 %; к марту 1926 г. выработка на рабочего поднялась на 29,4 %, зарплата — на 5,8 % [6, с. 159]. После денежной реформы средний заработок рабочего в промышленности составлял 38,5 руб., а прожиточный минимум — около 18 руб. В сфере культуры и просвещения зарплата колебалась от 42 до 72 руб. в месяц. Для членов партии был установлен партмаксимум: беспартийный директор завода получал в месяц 309,5 руб., а директор-коммунист — 187,9 руб. Годовой максимум для специалистов равнялся 1811 руб. [4, с. 322].

Низкий уровень зарплаты рабочих объяснялся многими причинами: убыточностью предприятий, изношенностью оборудования, низким качеством сырья, непродуманной тарифной политикой в сфере зарплаты. Существовал большой разрыв в оплате труда между квалифицированными рабочими крупных заводов и небольших фабрик. Недовольство рабочих своим положением выражалось в периодических выступлениях в защиту своих интересов. По свидетельству современников, одной из массовых причин забастовок служили «продзатруднения»: «зас-

твляют соревноваться, уплотняться, а хлеба не дают...». В 1922 г. бастовали почти 200 тыс. рабочих, в 1924 г. — 41 тыс. [9, с. 116]. Формы протеста были самые разнообразные: забастовки, стачки, «волынки», коллективные заявления, переход на другие предприятия.

Документы Информационного отдела ОГПУ за 1925 г. свидетельствовали, что большинство требований носили экономический характер, однако не редко они выливались в политический протест. Обвиняли политику советской власти не только беспартийные, но и коммунисты. При этом обращались к фактам недавнего прошлого, к революции и Гражданской войне, когда боролись за жизнь без эксплуататоров. В сводках были зафиксированы мнения: «Надо, видно, делать опять революцию», «За границей рабочие живут лучше», «У нас нет советской власти...», «...ответственные советские работники заняли мягкие кресла, получают большие ставки и ничего не делают...», «...только одно хвастовство и вранье» [6, с. 172].

Социальную напряженность на предприятиях усугубляла криминальная ситуация, сложившаяся в городах в 1920-х гг. Характерной чертой для предприятий в этот период было преобладание рабочих, осужденных за нарушение правопорядка. Согласно действующему законодательству, освобожденные из тюрем имели преимущественное право при поступлении на работу и часто становились источниками конфликтов. Исследователи также отмечали, что обостряло ситуацию и массовое пьянство. «Каждая выдача заработной платы и аванса превращает рабочих поселка в пьяное море с драками, дебоширством, убийствами и утопленниками», — сообщалось в отчете Ярославского губкома ВКП(б) в 1925 г. [2, с. 72].

По подсчетам советского экономиста С. Г. Струмилина, основанным на анализе 626 бюджетов, в 1923/24 хозяйственном году, в будний день глава рабочей семьи на трудовую деятельность затрачивал 8,29 часа, на отдых — 3,28 часа, в том числе и на развлечения, и на «бездеятельный отдых» [10, с. 13]. Можно предположить, что это время тратилось в основном не на чтение полезной литературы, а на привычное времяпровождение. После нескольких государственных кампаний по борьбе с пьянством в стране была разрешена свободная торговля спиртными напитками крепостью 20—30 градусов. Появилась «рыковка» — 30-градусная водка, названная в народе по имени председателя СНК СССР А. И. Рыкова, заявившего в 1925 г., что «пока мы не можем искоренить всякое потребление водки, лучше давать ее от государства» [8, с. 275]. Были снижены цены на «русскую горькую», что только усилило ее по-

ребление среди населения: в 1925 г. — 1,6 литра на человека в год, в 1927 г. — до 4 литров. Основная масса рабочих Ленинграда (56 %) пила по праздникам и во время выдачи зарплаты; 38,5 — независимо от повода; 12,5 — ежедневно. Расходы на алкоголь составляли в среднем свыше 8 % зарплаты рабочих [8, с. 272].

Массовый характер приобрели кражи на предприятиях. Это явление официальными органами объяснялось плохо организованным снабжением рабочих, о чем свидетельствует постановление Президиума ВСНХ «О новых методах хозяйствования» от 11 июля 1921 г. [13, с. 169]. Воровство стало настолько распространенным явлением, что в Уголовном кодексе РСФСР (ст. 162) были предусмотрены следующие виды наказания: «В первый раз и при стоимости похищенного не свыше 15 рублей — выговор с объявлением по цеху или заводу, понижение в тарифном разряде, перемещение на низшую должность; при повторном нарушении — увольнение» [11, с. 75]. Повсеместным явлением были обыски, которые вызывали возмущение у рабочих, тем более, что от этой унижительной процедуры были избавлены члены партии, члены правления фабкомов и другие активисты. Уголовные и административные меры сопровождалась пропагандистской работой: устраивались показательные суды, случаи воровства обсуждались на рабочих собраниях, на стенах висели плакаты типа «Красть винтик на заводе — кусочек коммунизма красть». Однако для многих рабочих кража являлась способом выживания в условиях дефицита. Ф. Э. Дзержинский, председатель ВСНХ СССР, в 1923 г. обратил внимание на повышение зарплаты как самого важного условия решения этой проблемы [11, с. 76].

Трудовые практики служащих. После ликвидации сословного деления российского общества жизнь представителей дореволюционных элит, составлявших маргинальную группу так называемых «бывших людей», или «лишенцев», т. е. лиц, лишенных по Гражданскому кодексу избирательных прав на основе социального происхождения, кардинально изменилась. Процесс адаптации к советской действительности был непростым, возможности профессиональной деятельности ограничены: услуги в сфере образования, культурно-просветительская работа, служба во внешнеторговых организациях и советских учреждениях. В первые годы советской власти значительная часть «бывших» не могла найти работу, соответствующую уровню квалификации. Нарком юстиции первого состава СНК И. З. Штейнберг писал: «...только потому, что ты бывший буржуй, ты лишаешься обыкновенного человеческого права» [7, с. 641]. Классовые подходы действовали при трудоустройстве, приеме в вузы,

оплате за квартиру и т. д. Для «бывших» это было время компромисса, т. е. выработки модели внешнего поведения, чтобы вписаться в советское общество. Они стремились не демонстрировать публично свое происхождение, совершенствовали искусство умолчания, когда обсуждались политические темы в присутствии посторонних. Критика власти не носила публичный характер, а мнения и эмоции высказывались privately. Актуальной являлась проблема «выправления» биографии, так как каждому гражданину Страны Советов для поступления на службу или в вуз необходимо было заполнить анкету с вопросами о социальном и имущественном положении анкетиремого и его родителей до 1917 г. Чтобы скрыть свое прошлое, нередким явлением среди «бывших» были браки по расчету. Постановление ВЦИК СССР 1926 г. давало шанс на возможное восстановление в избирательных правах граждан, ранее принадлежавших к эксплуататорским классам, которые в течение нескольких лет занимались общественно-полезным трудом и проявляли лояльное отношение к советской власти. «Бывшие» превращались в совслужащих, инженерно-технических работников (далее — ИТР), преподавателей вузов. Однако в конце 1920-х гг. в связи с «великим переломом» их положение снова ухудшилось. В 1928—1929 гг. была проведена масштабная чистка госаппарата и учреждений от лиц непролетарского происхождения. Потеря работы в условиях возвращения карточной системы означала резкое ухудшение материального положения. Ситуацию усугубила кампания по выселению лиц, лишенных избирательных прав, не только из собственных домов, но и из муниципальных квартир.

Непросто складывались отношения спецов в трудовых коллективах. Нередко рабочие жаловались на ИТР, требовавших дисциплины и организованности на рабочем месте. В результате политики советской власти в стране сформировалась антиинтеллектуальная атмосфера, которая привела к «спецедействию», как одной из форм дискриминации ИТР [2, с. 71]. Остроту конфликтной ситуации создавали в основном сезонные рабочие — «самая взрывоопасная масса», и новые рабочие — выходцы из деревни [2, с. 71]. Для них были особенно характерны уравнилельные настроения и неприятие «барских» условий жизни специалистов. Именно со стороны низкоквалифицированных рабочих «антиспецовские» настроения выливались в радикальные действия: избиения, поджоги, личные оскорбления и др. При этом не следовало никакого наказания. Часто органы суда восстанавливали на работе рабочего за избиение инженера и требовали администрацию предприятия оплатить ему вынужденный прогул [2, с. 72]. Имели место конфликты между потом-

ственными рабочими и специалистами. Причиной недовольства часто являлось само поведение ИТР, их отношение к рабочим: невнимательность, высокомерность, требование снять головной убор в помещении, дореволюционная форма одежды. Все это расценивалось не иначе как буржуазное поведение, неприемлемое в советском обществе. Конфликтные ситуации должны были разрешать производственные совещания, успех которых зависел от общей позиции администрации, специалистов и рабочих. Однако на практике подобные совещания часто превращались в суды над персоналом, который обвиняли в простоях, срывах поставок сырья, нарушении условий безопасности труда и т. д. Рабочие зачастую требовали ответа, как говорится, здесь и сейчас. Отказ или неубедительный ответ вызывал раздражение, воспринимался как игнорирование их классовых интересов.

В современных исследованиях проблем взаимоотношений буржуазных специалистов с властью и населением акцент сделан на анализе бюджета их рабочего времени, правовом положении на производстве, бытовым практикам. По мнению М. В. Ермушина, «тезис об исторически сложившейся неприязни к спецам требует корректировки. Здесь скорее можно говорить о столкновении жизненных стилей» [2, с. 75]. Требуется также дальнейшего изучения вопрос о материальном положении ИТР. На Первом Всесоюзном съезде инженеров и техников (декабрь 1922 г.) было отмечено, что зарплата конторского и младшего технического персонала практически равна зарплате квалифицированного рабочего крупного предприятия, а высший технический персонал получал на 60 % больше. Для сравнения: в 1914 г. служащие контор получали на 80 % больше, чем рабочие; техники — в 4 раза, а инженеры высшей квалификации — в 14 раз. В 1926 г. среднемесячная зарплата ИТР составляла 73,3 руб., причем 70 % ИТР получали в пределах 26,75 руб., 25 % — от 76 до 150 руб.; группа с минимальным заработком 23 руб. составляла 1,7 %, с максимальным 210 руб. — 3 % [2, с. 75—76]. Нередки были случаи, когда зарплата рядового инженера была ниже, чем у квалифицированного рабочего, так как рабочие получали по сдельной системе, а ИТР по ставкам. Вместе с тем в рабочей среде утвердилось мнение, «...что инженер только ходит по помещению и говорит: “Ну, что вы делаете? Вы окурки на пол не бросайте”» [2, с. 76].

«Спецеество», являвшееся главной проблемой во взаимоотношениях между рабочими и ИТР, было тесно связано с социальными процессами. Низкая зарплата, отсутствие своего жилья, примитивное восприятие культурных ценностей, готовность к радикальным действиям —

все это в особой степени было характерно для вчерашних крестьян, провоцирующих конфликтные ситуации на предприятиях.

Стратегии выживания частных предпринимателей (нэпманов). Советское государство, действуя по принципу «кто — кого», допускало использование частного капитала «без прямого превращения этого капитализма в госкапитализм» [3, с. 110]. Нэпманы получили возможность открывать производственные и торговые предприятия, им предоставлялось право собственности на строения и движимое имущество, право аренды промышленных предприятий и участия в работе товарных бирж, рыночных комитетов и т. п. Однако по Гражданскому кодексу РСФСР разрешалось контролировать частные предприятия и отменять все договоры и сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудового народа. Частные предприниматели были обязаны предоставлять в госорганы сведения о своей работе, поставщиках и рынках сбыта, изменениях в составе предприятий, размерах дохода, что ранее являлось коммерческой тайной [3, с. 111—112].

Масштабы деятельности частных предпринимателей были незначительны. В 1923 г. хозяев вместе с наемными рабочими было зарегистрировано 37,8 тыс. человек, через год — 65 тыс. [3, с. 112]. Основной сферой частного капитала являлась торговля, которая привлекала возможностью получить прибыль за счет быстрой оборачиваемости средств. Первые годы нэпа кооперация и госторговля не имели необходимого опыта и квалифицированного аппарата и уступали в конкурентной борьбе частнику. Как заметил Э. Карр, «как только политика натурального товарообмена и снабжения отошли на задний план и всерьез начал действовать принцип купли-продажи, возникла насущная потребность в людях, чувствующих себя как рыба в воде на рынке с его обычаями, образом действий и приемами, в людях, готовых в нужный момент найти покупателя и продавца, дать совет относительно цен и выступить в качестве посредников» [5, с. 665]. Это позволило нэпманам занять лидирующие позиции в розничной торговле. В 1922 г. на долю частных приходилось 95 % торговых заведений страны. В городах пестрели рекламные плакаты, призывающие посетить частные магазины; частная торговля велась не только в лавках и палатках, но и вразнос. К 1926 г. в стране было около 20 тыс. предпринимателей, владевших более 132 тыс. крупных магазинов и 367 тыс. лотошников и разносчиков. Современники вспоминали: «Уличные торговцы фруктами носили свой товар в корзинах на голове, без помощи рук... Иногда приезжала фура с арбузами, ими торговали «на вырез», отбраковывая плохой арбуз [12, с. 141].

Нэпманы избегали вкладывать средства в промышленное производство, поэтому удельный вес частного капитала в фабрично-заводской промышленности в первые годы нэпа составлял чуть более 4 % и постепенно сокращался [3, с. 114]. Более привлекательной для нэпманов была мелкая промышленность. К 1926 г. было официально учтено свыше 14 200 предпринимателей, но, по подсчетам Ю. Ларина, валовая продукция частной промышленности почти в два раза превышала официально зарегистрированный уровень. Теневая экономика имела значительный вес и составляла не менее 30 тыс. предприятий [3, с. 115].

Своеобразным представляется социальный состав нэпманов. В Петрограде в 1922 г. среди владельцев частных предприятий было 26,2 бывших дореволюционных торговцев; 28,4 % — домохозяек; 13,4 % — ремесленников; 5,7 % — служащих; примерно 75 % из них свой опыт коммерческой деятельности приобрели в годы Гражданской войны, занимаясь мешочничеством. Между тем слабо оснащенные и подконтрольные госорганам предприятия имели более высокую рентабельность, чем государственные. В Москве выработка на одного работника частного предприятия составляла 5,3 тыс. руб. в год, а по промышленности в целом — 3,3 тыс. руб. На частных предприятиях не зафиксированы в 1922 г. случаи забастовок, в то время как в госсекторе в этом же году — 110 стачек. Частные предприятия помогали государству разрешить проблему безработицы, которая усиливалась из-за отсутствия у государства средств для поддержки предприятий [1, с. 123].

В середине 1920-х гг. в стране появились частные предприниматели с крупным капиталом: в Москве и Ленинграде было учтено 855 человек с годовым доходом свыше 20 тыс. руб. Эта категория находилась на особом контроле у налоговых органов. Для них квартирный налог составлял 10,5 %, а налог на прибыль почти не оставлял возможности на расширение производства, постоянно повышалась арендная плата и тарифы на транспорт. В 1926—1927 гг. две трети чистого дохода частных предпринимателей уходило на уплату налогов. Положение владельцев торговых заведений, булочных, кафе, ресторанов и мастерских становилось все более сложным. «В сущности они находились в постоянном враждебном окружении», — отмечал А. К. Соколов [9, с. 118]. «Новые капиталисты» ощущали зыбкость и неустойчивость своего положения, в соответствии с этим складывался их стиль жизни: «пропадать так с музыкой», «живем как картошка — коли не посадят, так съедят». Следствием стали явления, известные как «гримасы нэпа»: пьяные кутежи, рвачество, готовность обойти закон и обмануть государство.

В целом очевидно, что нэп принимался для удержания власти. Новая экономическая политика привела, безусловно, к положительным результатам, но явно не соответствовала существовавшей в стране политической системе. Рабочий класс был объявлен привилегированным слоем населения, однако государство не могло в полной мере выполнять его требования, что вызывало в рабочей среде протестные настроения. В то же время протест был направлен не против самой советской системы, а скорее против проявлений бюрократизма и бесхозяйственности. Использование дореволюционных специалистов и частных предпринимателей носило откровенно инструментальный характер. Их опыт и знания были востребованы в сложное для страны время, однако по мере решения проблем надобность в этих кадрах отпадала. На смену им приходила новая генерация советских специалистов и управленцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Валнева Л. К.* Социально-экономическая ситуация в Нижнем Поволжье в переходный период // Перекрестки истории: Актуальные проблемы исторической науки : сб. статей. Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2009. 173 с.
2. *Ермушин М. В.* Инженерно-техническая интеллигенция и рабочие в годы нэпа: проблемы взаимоотношений // Интеллигенция и мир. 2011. № 1. С. 68—81.
3. Изменения социальной структуры советского общества (1921— середина 30-х годов); под общ. ред В. М. Селунской. М. : Мысль, 1979. 343 с.
4. История России. XX — начало XXI века : учеб. пособие; под ред. Л. В. Милова. М. : Эксмо, 2010. 960 с.
5. *Карр Э.* История советской России. М. : Изд-во «Прогресс», 1990. Т. 1—2: Больше-вистская революция. 1917—1923. 768 с.
6. *Колодникова Л. П.* Советское общество 20-х годов XX века. По документам ВЧК — ОГПУ. М. : Наука, 2009. 479 с.
7. *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920—1930-е гг. СПб. : Нева, 1999. 412 с.
8. Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России (1920—1930-е гг.); под. общ. ред. Т. Вихавайнена. СПб. : Нева, 2000. 480 с.
9. *Соколов А. К.* Курс советской истории. 1917—1940. М. : Высш. шк., 1999. 272 с.
10. *Струмилин С. Г.* Рабочий быт в цифрах. Л. : Изд-во «Плановое хозяйство», 1923. 124 с.
11. *Ульянова С.* «Несуны в законе». Кражи на предприятиях в 1920-е годы // Родина. 2001. № 10. С. 74—77.
12. *Федосюк Ю. А.* «Утро красит нежным цветом...». Воспоминания о Москве 1920—1930-х годов. М. : Флинта, 2004. 240 с.
13. Хрестоматия по истории СССР. 1917—1925 : учеб. пособие для вузов; сост. С. И. Дегтев. М. : Просвещение, 1991. 944 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 12 чэрвеня 2012 г.